

УДК 316.334

Е.Ф. Молевич*

СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ 90-Х ГОДОВ XX В. ЧАСТЬ 2

В статье исследуются принципы и характер фундаментальных социальных преобразований в России на рубеже 80–90-х годов XX века.

Ключевые слова: системный кризис советского социалистического общества, перестройка, социальная революция.

Таким образом, уже в середине 80-х годов страна оказывается в ситуации вполне очевидного экономического и потребительского кризиса, наглядно свидетельствующего о явной истощенности сложившихся за советские годы методов и механизмов управления народным хозяйством. А значит – и крушении всей сложившейся модели советской социалистической экономики. И это делает вполне понятным тот настрой, с которым вступил в руководство партией и страной весной 1985 г. М.С. Горбачев: «Мы должны добиться существенного ускорения социально-экономического прогресса, – сказал он, вступая в должность. – Другого пути нет. Главный вопрос сейчас в том, как и за счет чего, страна сможет добиться ускорения» [10, т. 2, с. 192].

И ответ на этот действительно самый главный вопрос новое руководство страны увидит, во-первых, в скорейшем преодолении сложившегося технологического отставания экономики путем централизованно организуемого массового обновления производственных фондов промышленности. «Главный замысел нашей стратегии – соединить достижения НТР с плановой экономикой и привести в действие весь потенциал социализма» [10, т. 5, с. 401], для чего, в частности, в 1985 г. был создан специальный Госкомитет СССР по информатике и вычислительной технике. И во-вторых, необходима скорейшая перестройка всего хозяйственного механизма советской экономики. «Нужно смелее двигаться вперед по пути расширения прав предприятий, их самостоятельности, внедрять хозяйственный расчет» [10, т. 3, с. 195]. И это были не пустые слова. Уже в 1986–1988 г. был принят ряд решений, реально переводящих предприятия на полный хозрасчет, широкое самофинансирование, и частичное самоуправление на основе привлечения трудового коллектива к делам производственного управления. И наконец, в-третьих, выход из сложившегося неблагоприятного положения новое руководство страной увидело в необходимости активизации личной трудовой активности трудящихся. В этих целях легализуется индивидуальная трудовая деятельность и возрождается кооперативная собственность в сфере мелкого производства, услуг и торговли.

Однако ожидаемого экономического эффекта от всех этих новаций страна не получила. Более того, во многих отраслях промышленности продолжился начавшийся еще в середине 80-х годов спад производства. Так, если в 1985 г. металлорежущих станков произвели 218 тыс. штук (напомним, в 1980-м – 257 тыс.!), то в 1988-м их

---

* © Молевич Е.Ф., 2013

Молевич Евгений Фомич (emolevich@mail.ru), кафедра социологии и политологии Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

производство упало до 178 тыс. штук, производство тракторов и зерноуборочных комбайнов в те же годы сократилось, соответственно, с 585 тыс. и 112 тыс. до 559 тыс. и 71 тыс. единиц и т. д.

Все это не могло не сказаться и на потребительском рынке. «К концу 1989 г. из 989 видов товаров народного потребления в относительно свободной продаже без существенных перебоев находилось лишь 11 % товаров, из магазинов исчезли телевизоры, холодильники, стиральные машины, моющие средства, большинство товаров бытовой химии, многие виды мебели, электроутюги, лезвия для бритвы, парфюмерно-косметические изделия» [2, с. 248]. И ко всему этому добавился впервые в истории страны острейший дефицит госбюджета СССР. Если в 1985 г. его сумма уже составляла 13,9 млрд рублей, то к 1988 г. она выросла до 80,6 млрд рублей. Но основу этого дефицита составили как утраченные нефтевалютные доходы, так и огромные потери — порядка 35 млрд рублей в год — от непродуманного «сухого закона», запрещавшего продажу алкоголя.

Оказалось, что все начатые шаги по реформированию экономики «по существу, блокировались государственной и хозяйственной бюрократией, которая не могла и не хотела отказаться от командно-административной системы управления экономикой» [4, с. 43]. Кроме того, обнаружилось, что состоявшееся расширение прав предприятий и их трудовых коллективов в условиях формально сохраняемой государственной (т. е. в массовом понимании — ничейной) собственности на эти предприятия быстро обернулось повсеместным безответственным перераспределением средств предприятия преимущественно на зарплату и различные социальные выплаты, что, естественно, привело к сокращению вложений в само производство, а значит, и соответствующему сокращению самого этого производства, всех его основных показателей.

В связи со сказанным естественен сделанный руководством страны по итогам первого этапа перестройки (1985–1987 гг.) вполне реалистичный вывод: в сложившихся условиях «две ключевые проблемы... определяют судьбу перестройки: это демократизация всей общественной жизни и радикальная экономическая реформа» [11, с. 74].

И первая из этих проблем была в целом решена на XIX партконференции в июне 1988 г., провозгласившей курс на демократическую реорганизацию всей политической системы СССР. Было осуществлено разделение партийных и государственных функций в управлении страной, Советы обрели реальную значимость и свою верховную структуру в виде вполне свободно избираемого «съезда народных депутатов», утвердилась реальная гласность во всех сферах общественной жизни и СМИ.

Что же касается второй обозначенной задачи, «радикальной экономической реформы», то ее действительно безусловный радикализм состоял в предлагавшемся в это время в целом ряде программ реформирования советской экономики — Л. Абалкина, С. Шаталина, Г. Явлинского, Н. Рожкова, А. Аганбегяна и др. — реальном переходе от сложившейся в СССР командно-административной плановой экономики к экономике явно альтернативного порядка — в своих основах рыночной, но ограничиваемой социалистической природой общества и сложившейся руководящей ролью в нем компартии. Многообразные вариации такого «рыночного социализма» в это время существовали в целом ряде социалистических стран — Китае, Вьетнаме, Югославии, Венгрии, Польше. Известно, что как временный вариант по пути к полноценному развитому социализму подобный тип социализма допускал в свое время и В.И. Ленин, ставший творцом «новой экономической политики» (НЭП) как первого опыта подобного социализма.

Идеи наших «рыночников», высказывавшиеся ими с рождения гласности в публицистическом порядке, на рубеже 90-х годов, с осознанием в «верхах» объективной

необходимости именно подобных радикальных преобразований в экономике, получают теперь официальную партийную поддержку в решениях XXVIII съезда КПСС (1990 г.) и опубликованном в 1991 г. для всенародного обсуждения проекте новой программы КПСС. На государственном же уровне эта радикальная трансформация советской экономики получает свою реализацию в целом ряде законодательных документов. Так, в 1989 г. разрешается аренда, как коллективами предприятий, так и даже частными лицами государственных производственных активов с правом собственности арендатора на полученную этими активами прибыль и возможность последующего выкупа арендатором этого актива. С весны 1990 г. законом СССР «О собственности в СССР» и рядом других правовых документов легализуется принципиальное многообразие форм собственности в стране: наряду с государственной теперь допускается существование и т. н. «коллективной» (включая акционерную!) собственности и даже частной собственности. Причем предприятиям всех форм собственности теперь разрешаются самостоятельные внешнеторговые операции с размещением финансов за рубежом. Целой серией правовых актов 1991 г. легализовывались институты частно-предпринимательского дохода, использования наемного труда и провозглашалась даже перспектива постепенного разгосударствления советской экономики.

И в рамках этого реально начавшегося процесса разгосударствления экономики особое место сразу же начинает занимать т. н. «номенклатурная приватизация» государственной собственности. По образному выражению Е.Т. Гайдара, она представляла собой уникальную процедуру «обмена власти на собственность», т. е. преодоление сопротивления реформам со стороны партийно-советской и хозяйственной бюрократии ее непосредственным материальным заинтересовыванием в результатах этих реформ. «Обмен власти на собственность... звучит неприятно, но, если быть реалистами, если исходить из сложившегося к концу 80-х годов соотношения сил, это был единственный путь мирного реформирования общества, мирной эволюции государства» [12, с. 143]. По итогам этой «номенклатурной приватизации» складывалась уникальная экономическая ситуация — производственные активы формально продолжали оставаться в собственности государства, но управление этими активами, в том числе распоряжение их доходами, теперь переходило в частные руки «эффективных менеджеров» — вчерашних партийных, государственных и хозяйственных руководителей. Фактически, свидетельствует активнейший участник этих событий Е.Т. Гайдар, к концу 1991 г. мы имели почти законченное... здание номенклатурного капитализма» [12, с. 152] и именно в это время, по мнению Гайдара, и складываются все крупнейшие состояния в последующей постсоветской России [12, с. 150].

Официально такая экономика, формально еще огосударствленная, но уже утратившая плановую централизацию и, соответственно, приобретшая реальную хозяйственную самостоятельность, получит в эти годы название «регулируемой экономики». И именно в рамках этого «регулирования» и произойдет последний сокрушительный обвал народного хозяйства СССР. «В 1989 г. промышленное производство перестает расти. С начала 1990 г. оно падает» [2, с. 316]. Вслушаемся в слова Председателя Совета Министров СССР В.С. Павлова на V сессии Верховного Совета СССР в апреле 1991 г.: «за последние два года объем добычи угля... упал на 69 млн тонн, нефти — на 53 млн тонн, лесозаготовок — на 50 млн куб. м. Какая экономика выдержит такие удары?» [13].

И она не выдержала. Все последние годы существования СССР — это годы отчаянного потребительского кризиса. Отчаянного — в полном смысле этого слова. «Из 1200 ассортиментных групп товаров около 1150 попало в разряд дефицитных» [14]. Время пустых полок магазинов, кучи неотоваренных талонов на продукты и промтовары, знаменитые «колбасные электрички» — такими остались в памяти россиян эти

последние советские годы. «Ситуация со снабжением населения крупных городов в 1991 г. напоминала ту, которая сложилась в 1917 г. и стала поводом для революции» [15, с. 360].

И как общий итог всех этих экономических неурядиц – острейший кризис текущего платежного баланса. Бюджетный дефицит, как мы уже отмечали, еще вполне терпимый в 1985 г. в 13,9 млрд рублей, вырастает к 1989 г. до 80,7 млрд рублей, государственный внутренний долг, составлявший в 1985 г. 141,6 млрд рублей, вырастает к 1990 г. до 566,1 млрд рублей, объем внешнего долга СССР увеличивается с 28,5 млрд долларов в 1985 г. до 84 млрд долларов в 1991 г.

Очень своеобразно в эти последние критические годы складывалась и социально-политическая обстановка в стране. В очень многом она определялась целым рядом принципиально новых и вполне объективных по своему характеру факторов: усталостью масс от стабильно ухудшавшихся условий жизни; растущей социальной апатией, рождаемой очевидным и беспросветным расхождением бодрых и оптимистичных заявлений и программ руководства страны с реальной повседневной практикой быденной жизни*, разительным примером позитивных перемен в бывших восточно-европейских странах социализма, переживших в эти годы «бархатные», т. е. бескровные по внешней форме, но, безусловно, буржуазные по своей сути революции; рождением и подъемом массовых националистических и сепаратистских настроений, как в союзных республиках, так и в самой РСФСР. Лозунги «хватит кормить Россию!» успешно сочетались с аналогичным же лозунгом «хватит кормить республики!», оказавшимся очень популярным в широких российских массах. Они же на «ура» приняли и резолюцию о суверенитете РСФСР, и введение института президентства в России, и рождение компартии России и т. д. Показательно и то, что в ходе референдума по вопросу сохранения СССР (март 1991 г.) именно новорожденная партия «Демократическая Россия» призывала сказать «нет» этому сохранению. И примечательно, что не где-нибудь, а именно в Москве более половины участников референдума проголосовало против сохранения СССР. Стоит ли удивляться тому, что и официальная инициатива о прекращении существования СССР исходила, как известно, от руководства именно РСФСР.

Немалую и, к сожалению, в основном негативную роль в общественной жизни этих трудных перестроечных лет сыграли и рождавшиеся после 1988 г. на гребне демократизации страны и гласности многообразные общественные организации, обобщенно именуемые в те годы «неформальными движениями». Уже в 1989 г. их было порядка 60 тысяч, только в городе Куйбышеве – несколько десятков. Изначально типичными лозунгами этих организаций были требования многоукладности экономики, ликвидации политической монополии КПСС и становление многопартийности, полномочия Советов при условии полной свободы их выборов, т. е. в целом – широкая реальная демократизация страны. Но уже в 1989–1990-х годах значительная часть «неформалов» обретает открытую антисоциалистическую, а во многих республиках – и ярко сепаратистскую направленность. И сам лозунг перестройки в этих «неформальных» кругах теперь очень часто начинает трактоваться как реализация именно капиталистической трансформации советского общества. Два подхода, отмечал в этой связи уже в 1989 г. М.С. Горбачев, противостоят партийному курсу на перестройку как процессу совершенствования социализма: сохранение командно-административной системы управления и курс на фактическую капитализацию общества, «можем ли мы идти этими путями? Нет, мы их отвергаем» [17, с. 5]. Однако

---

* «В начале 90-х годов это безразличие, апатия, безысходность, какая-то обреченность стали особенно заметны» [16, с. 13].

реальный ход событий в стране в самом конце 80-х – начале 90-х годов – нарастающие обвалы экономики, потребительского рынка* и государственных финансов, беспомощный ГКЧП и последующее прекращение Ельциным деятельности КПСС, провозглашения независимости почти во всех союзных республиках и – как прямое следствие – распад Союза и – особенно! – концентрация власти в РСФСР в начале 90-х годов в руках матерых антисоциалистически настроенных «рыночников» обусловили принятие в конце 1991 – начале 1992 года руководством теперь уже новой России – Российской Федерации, получившим в ноябре 1991 г. на V съезде народных депутатов РСФСР чрезвычайные полномочия для проведения необходимых реформ, целого ряда решений сугубо рыночно-капиталистического характера: введение в январе 1992 г. свободных цен, ликвидация торговой монополии государства, переход с лета 1992 г. к полноценной реальной приватизации государственных производственных активов на основе их акционирования, роспуск колхозов и ликвидация совхозов с провозглашенным курсом на развитие фермерского хозяйства. И к 1994 г. из 19 тысяч крупных российских предприятий в частных руках оказались уже 15 тысяч этих предприятий. Были приватизированы и 85 тысяч малых предприятий – магазинов, ресторанов, служб быта и т. д. Это – 70 % от их общего числа.

И политико-правовым закреплением состоявшейся смены природы общественного строя России – с социалистического на капиталистический – явилась принятая в 1993 г. новая Конституция теперь уже не РСФСР, а Российской Федерации. В статье 8.2. она провозгласила: «В Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности». Многоукладная рыночно-капиталистическая природа российской государственности стала официальным правовым фактом.

Временной отрезок всех этих судьбоносных для страны фундаментальных социально-экономических и политических преобразований совершенно незначителен – 1988–1993 годы. И при всей отмеченной активности «низов» определялся он во всем основном совсем не ими, а сравнительно небольшими группами лиц, формировавшихся вокруг главных политических лидеров этого времени – М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина. Именно от этих лиц и исходили официально все вышеотмеченные новации в жизни страны. Поэтому вполне естественно, что и в массовое общественное сознание, в публицистику, и даже в большинство официальных документов конца XX – начала XXI века, вся эта эпоха изменивших в корне жизнь страны общественных преобразований вошла как «эпоха реформ» рубежа 80–90-х годов XX в. И естественно, что с чисто научной точки зрения согласиться с таким статусом состоявшихся трансформаций в общественной жизни России нельзя. Предопределил такую массовую реформистскую трактовку итогов перестройки именно ее ярко выраженный верхушечный характер, типичный, как известно, именно для реформ. Но социальный статус общественных перемен с научно-теоретической точки зрения определяется не происхождением этих перемен «сверху» или «снизу», а степенью глубины (существенности) и масштабной всесторонности происходящих трансформаций. И в этой связи «перестройка выступает как революция, ибо она действительно означает качественные изменения или преобразование всех сторон общественной жизни – от материально-технической базы до сознания» [19, с. 274]. И с этой оценкой нельзя не согласиться, ибо действительно в России этих лет произошла смена формацион-

---

* «Товарные запасы в розничной торговле к концу 1991 г. сократились до рекордно низкой величины – 32 дня. Причем по мясу и рыбе – 10 дней, яйцам – 3 дня, маслу животному – 21 день, одежде – 35 дней, обуви – 19, чулочно-носочным изделиям – 29 дней» [18, с. 74].

ных общественных порядков — от социализма страна перешла к капитализму, во всей глубине и всесторонности — экономической, социальной, политической, культурной и т. д. — такого рода трансформации.

Причем родоначальником такого «революционного» подхода к перестроечным процессам оказывается не кто иной, как М.С. Горбачев, еще в 1986 г. поставивший «знак равенства между словами перестройка и революция» [20], ибо перестройка — «это скачок в развитии социализма, в реализации его существенных характеристик» [7, с. 48]. Однако такое сведение революции к «скачкам» в развитии от менее совершенного к более совершенному состоянию в рамках социализма, т. е. к процессу, по своему содержанию явно эволюционному, а не революционному, не могло не встретить решительной критики как в рядах самой партии, так и со стороны научной общественности страны. И в ходе подготовки новой программы КПСС в начале 90-х годов М.С. Горбачев от своей «революционной» формулировки был вынужден отказаться. В опубликованном летом 1991 г. для обсуждения проекте новой программы партии перестройка как процесс прогрессивного совершенствования социализма была вполне логично охарактеризована как «демократическая реформация общества» [21].

Точку же в этой дискуссии поставили очевидные для всех антисоциалистические прокапиталистические итоги перестройки. Дело в том, что любой переход от одних формационных общественных порядков к другим всегда революционен по самому определению понятия «социальная революция». И поскольку формационная смена общественных порядков в России реально состоялась, то и обусловившая ее «перестройка — это революционный процесс, который по социальному значению можно сравнить с Октябрьской революцией» [22, с. 28].

Но при этом сразу же рождается еще один острый вопрос: ведь капитализм в истории России уже был и именно его устраняла Октябрьская революция. Так, может быть, точнее будет сказать не «революция», а «контрреволюция»? Ибо под последней понимается как раз «возврат к старому», т. е. к уже имевшимся в истории данной страны формационным порядкам. И именно такой ответ характерен для большой группы очень авторитетных авторов — А.А. Зиновьева, Е.Т. Гайдара, С.А. Караганова и др.: в России конца XX в. состоялась именно контрреволюция, устранившая социалистические и утвердившая вновь капиталистические порядки. Возражать против этого очевидного факта бессмысленно, но — и в этом «но» вся суть вопроса, — как специально и справедливо оговаривает Е.Т. Гайдар, «суть дела от этого не изменится» [15, с. 342], ибо с точки зрения общей теории революции всякая контрреволюция есть лишь частная форма революции, отражающая ее конкретно-историческую специфику и не отменяющая ее принципиально революционную природу. И не случайно, например, в британской историографии, типичную по своему содержанию контрреволюцию конца XVII в. именуют не иначе как «славная революция»! Никого не смущает и в сегодняшней Восточной Европе явно контрреволюционная специфика состоявшихся там на рубеже 90-х годов сугубо буржуазных по своему характеру т. н. «бархатных революций». Поэтому можно понять и согласиться с Е.Т. Гайдаром в том, что при всей своей контрреволюционной специфичности состоявшиеся в России на рубеже 1980–1990-х годов фундаментальные социально-экономические и политические преобразования по своему существу «представляли собой полномасштабную социальную революцию» [15, с. 365]. Сказано исчерпывающе и очень точно. Причем в общетеоретическом плане очень важно именно то, что признание революционной природы итогов перестройки «имеет в данном случае не политическое, а методологическое значение» [23, с. 40].

И наконец, самый-самый обсуждаемый в последние годы вопрос: кто виноват во всем произошедшем? Сам факт негативности произошедших событий в этом вопросе

предполагается очевидным и безусловным, что само по себе, конечно, спорно. Но если с вопросом согласиться, то логичным ответом, по-видимому, будет следующее: виновата жестко-авторитарная система управления страной с гипертрофированной властью руководящих «верхов», при которой никакие здоровые силы в стране не были в силах сколько-нибудь серьезно повлиять на эти давно оторвавшиеся от реальной жизни «верхи», или, говоря более официальным языком, вся проблема в том, что сменявшие с течением времени друг друга руководители партии и страны «не смогли своевременно и в полном объеме оценить необходимость перемен, опасность нарастания кризисных явлений в обществе» [10, т. 5, с. 394]. То есть, другими словами, «предпосылки развала страны заложил Н. Хрущев, его деяния продолжили и довели до конца М. Горбачев и Б.Н. Ельцин» [24, с. 8].

Но в заключение, естественно, возникает «и другой, не менее важный вопрос: а какова цена краха экономического потенциала и политической системы Советского Союза? Ясно одно — произошла катастрофа вселенского масштаба... Проиграл, прежде всего, народ» [16, с. 20]. Лучше, видимо, не скажешь, но закончим все-таки официозом: все происшедшее в стране на рубеже 90-х годов — «общенациональная трагедия огромного масштаба» [25].

Библиографический список

1. Путин В.В. Послание Президента РФ Федеральному собранию РФ 25.04.2005 г. // Российская газета. 2005. 26 апреля.
2. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006, 448 с.
3. Вишневский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 432 с.
4. Красин Ю. Метаморфозы российской реформации. Политологические сюжеты. М.: ИСРАН, 2009, 496 с.
5. Попов В., Шмелев Н. Великий плановый эксперимент // Погружение в трясину. М.: Прогресс, 1991. 704 с.
6. Абалкин Л.И. Избр. пр. Т. 2. М.: Экономика, 2000. 910 с.
7. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1988. 270 с.
8. Абалкин Л. Перестройка на весах истории // Эко. 2006. № 9.
9. Сахаров А. Мир, прогресс, права человека. Л.: Советский писатель, 1990. 128 с.
10. Горбачев М.С. Собр. соч. Т. 2, 3, 5. М.: Весь мир, 2008.
11. Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М.: Политиздат, 1987, 60 с.
12. Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995. 207 с.
13. Павлов В.С. Доклад на V сессии ВС СССР 24.04.1991 г. // Правда. 1991. 24 апреля.
14. Слюньков Н. Доклад на Пленуме ЦК КПСС. 05.02.1990 // Правда. 1990. 2 февраля.
15. Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире. Очерки экономической истории. М., 2005. 656 с.
16. Кабытов П.С. Сквозь «лихие» и «нулевые». Самара: Самарский университет, 2012. 288 с.
17. Горбачев М.С. Социалистическая идея и революционная перестройка. М.: Политиздат, 1989. 30 с.
18. Лопатников Л.И. Перевал. Из истории рыночных реформ в России. М.: Норма, 2006. 388 с.

19. Бутенко А.Л. Откуда и куда идем. М.: Мысль, 1990, 228 с.
20. Правда. 1996. 2 августа.
21. Правда. 1991. 8 августа.
22. Осипов Г.В. Перестройка – утверждение здравого смысла // Вестник АН СССР. 1989. № 10.
23. Мау В., Стародубровская И. Экономические закономерности революционного процесса // Вопросы экономики. 1998. № 4.
24. Летопись реформирования России. Годы 1990–1991. М.: Вече, 2009. 544 с.
25. Путин В.В. Ответы на вопросы доверенных лиц // Комсомольская правда. 2004. 28 февраля.

E.F. Molevich*

**SOCIAL REVOLUTION IN RUSSIA ON THE BOUNDARY OF THE 90-IES
OF XX CENTURY. PART 2**

This article investigates the causes and nature of fundamental social changes in Russia in the late 80-ies and 90-ies of the XX century.

Key words: systemic crisis of Soviet socialist society, restructuring, social revolution.

---

* *Molevich Evgeniy Fomich* (emolevich@mail.ru), the Dept. of Sociology and Political Science, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.